

УДК 82.0:801.6

**ИРАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И.А. БУНИНА***А.М. Саяпова, Э. Каримириаби***Аннотация**

В статье даётся анализ нескольких стихотворений И.А. Бунина, в художественной системе которых используется иранская мифология. Показано, как культура Ирана, её мифологические образы отчётливо вписываются в пласт восточных образов поэта, что говорит об органическом вхождении иранской мифологии в художественную концепцию земного мира И.А. Бунина, выраженную в дихотомии Единого (мир как гармония – мир как дисгармония).

Ключевые слова: Восток, иранская мифология, Эльбрус, Ормузд.

Путешествия И.А. Бунина в страны Ближнего и Дальнего Востока, предпринятые в 1903, 1907 и 1910–1911 годах, сыграли важную роль в бунинском обращении к теме Востока. Бунин так говорил о своём отношении к этим поездкам: «Я много жил в деревне, много путешествовал в России и за границей: в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжире, в Тунисе, в тропиках. Я, как сказал Саади, “стремился обозреть лицо мира и оставить в нём чекан души своей”, меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические» (Б1, с. 141).

1900-е годы были весьма плодотворными в творческой жизни И. Бунина. Как пишет В.Н. Муромцева-Бунина, «неоднократные путешествия по странам Европы и на Восток широко раздвинули мир перед его взором» [1], способствовали обогащению его творчества. Непосредственные впечатления, полученные в ходе путешествий по Ближнему Востоку, дополняли знания Бунина о духовно-эстетическом наследии региона. Несомненно, дальние путешествия, предпринятые Буниным в начале XX столетия, привели к тому, что восточная тема в его поэзии стала ведущей. Многие из его стихотворений напрямую обращаются к истории, мифологии, религии и философии Ближнего Востока. Благодаря проникновению в иные культуры и их поэтические стили он стал своего рода продолжателем пушкинской и лермонтовской традиции.

В художественно-эстетической системе нескольких стихотворений 1903–1912 годов И.А. Бунин использует иранские мифологические образы. Рассмотрение характера художественно-философской трансформации этих образов является целью настоящей статьи. В поэзии Бунина этого периода привлекает внимание частотность образа гор, в том числе в стихотворениях, которые напрямую

не связаны с иранской или какой-либо другой мифологией, но свидетельствуют о приверженности поэта к художественному созерцанию восточных гор.

Свой подход к «восточной» лирике И.А. Бунина мы строим на двух диаметрально противоположных философско-эстетических концептах: *мир как гармония* (мир как Целое) и *мир как дисгармония*, которые воспринимаются как дихотомия *Единого*. Эти два концепта дают возможность раскрыть своеобразие мифопоэтической системы лирики И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока. Оба концепта реализованы в паре стихотворений «Склон гор» (1903–1904) и «Вершина» (1903–1905).

В первом акварельно выписывается ночной пейзаж *склона гор*, на котором жизнь природы и людей даётся в гармоническом созвучии: *Склон гор, сады и минарет. / К звездам стремятся кипарисы, / Спит море. Тёплый лунный свет / Позолотил холмы и мысы* (Б2, с. 129). *Склон гор* со всем его разнообразным живым миром выписывается с *часа мёртвой тишины до предрассветного лунного света*. В последней строфе вертикаль взгляда движется от *морского простора к таинственным вершинам гор*, которые *мерцают вечными снегами*. Это вершины гор, на которых нет жизни в экзистенциальном смысле, но они прекрасны своей таинственностью и притягивающей красотой.

Во втором стихотворении вершина горы, которая называется *льдыстым мертвецом*, является олицетворением неживого. Вместе с тем она тоже обладает огромной притягательной силой. Лирический герой о мистической силе притяжения этой *белой вершины* говорит так: *Но целый день, – куда ни кину / Вдоль по горам смущённый взор, – / Лишь эту белую вершину / Повсюду вижу из-за гор* (Б2, с. 146). Сила *белой вершины* заключается в её величественности, которая реализуется в том, что всё перед ней *смиряется, всё застывает*.

Приступая к анализу стихотворений И.А. Бунина, в которых при обрисовке горных пейзажей в той или иной мере используется иранский мифологический материал, следует подчеркнуть, что эти произведения, на наш взгляд, весьма условно могут называться поэзией «ориентальной». В них реализуется художественная тяга Бунина к горам как прекраснейшим явлениям природы. А поскольку горы в большинстве своём – достояние Востока, который и скопил обширный мифологический материал о них, то тема Востока так или иначе входит в «горную» тему Бунина.

Несмотря на то что И.А. Бунин никогда не путешествовал по Ирану, поэт активно использует иранскую мифологию как богатейшую и весьма ёмкую. Многие образы художественной системы поэта, восходящие к иранской мифологии, воспринимаются как образы-символы, образы с глубоким подтекстом. Так, в стихотворении «Эльбурс» (1905) с подзаголовком «Иранский миф» использована иранская легенда о горе Эльбурс, находящейся на севере Ирана у южного побережья Каспийского моря, и об Иазатах, или Иязатах, как называются у древних индийцев и иранцев светлые духи, главный из которых – Митра, божество света, чистоты и правды.

Об Эльбурсе (*Elburz*) есть сведения в древне-иранском религиозном произведении «Авеста» (I тыс. до н. э.). В новоперсидском *burz* в слове *Elburz* означает 'высокий' [2, с. 2722]. По иранской мифологии мироздание возникает по причине борьбы Ахримена (бога зла) с творением Ахурамазда (бога добра).

Из «распоротой» земли сначала выходит Эльбурс, другие горы появились из его корней. Эльбурс развивался 800 лет. Солнце и звёзды вращаются вокруг Эльбурса, на льдах Эльбурса нет ни ночи, ни тьмы, ни холодного, ни горячего ветра. Эльбурс – место восхода и заката солнца. Согласно мифологическим повествованиям, Эльбурс – не только географическое место, но и мифологическая и духовная (священная) гора. В персидской поэзии Эльбурс – образ величия, место, где солнце восходит и образуется исток реки (символ жизни) [3, с. 99]. Следовательно, мифологическое сознание Ирана даёт представление о творении земли как борьбе злого с добрым, тёмного со светлым, что и определяет мифологическую концепцию мироздания как гармонии и дисгармонии в их единстве.

Стихотворение И.А. Бунина «Эльбурс» (Б2, с. 140) представляет собой поэтическую трансформацию иранского мифа об Эльбурсе, художественно осмысленного в картине мира Бунина как Целое с господством гармонии, красоты, совершенства. Как и в персидской поэзии, автор рисует восход солнца в горах Эльбурса (Эльбурса), в горах, в которых, казалось бы, «жизни нет»: *На льдах Эльбурса солнце всходит. / На льдах Эльбурса жизни нет.* Эльбурс, на льдах которого нет жизни, «земли нет», предстаёт как центр мироздания: *Вокруг него на небосводе / Течёт алмазный круг планет.* Соотнесём с иранской мифологией: по древнеиранской «Авесте» первой на Земле образуется гора Эльбурс, другие горы появились из корней Эльбурса [3, с. 99].

Образ *небесных Иазитов* во второй строфе предстаёт как единственная сила, благодаря которой *к венцу земли доступен путь* (то есть путь к Эльбурсу). Иазиты воспринимаются как синоним властителя мироздания, Бога. По иранской мифологии это ангелы, заслуживающие обожания, подобные ангелам-хранителям (в соответствии с иранским мифологическим сознанием на небе много ангелов). Заметим, что на персидском языке *Иазит* означает не ‘ангел’, а ‘Бог’, это одно из имён Бога [3, с. 113].

Восход солнца выписывается через светоносный иранский мифологический образ Митры, божества света, чистоты и правды, *чьё святое имя / Благословляет вся земля. Митра светит ризой златотканой, / И озирает с высоты / Истоки рек, пески Ирана / И гор волнистые хребты.* Иранский мифологический образ светоносного Митры вписывается в мифопоэтический концепт И.А. Бунина «красота, совершенство мира как Целого». Будучи божеством света, источника жизни, Митра предстаёт как антитеза отсутствию жизни (*На льдах Эльбурса жизни нет*). Это «древнеиранский мифологический персонаж, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца. <...> Митра – устроитель не только социального, но и природного космоса. Он связан с водами, с солнцем, он хозяин широких пастбищ и наполнитель вод, благодаря ему идут дожди и вырастают растения» [4].

Структурно-семантический анализ художественной системы стихотворения определяется взглядом лирического субъекта, выстроенным по вертикали сверху вниз: от Эльбурса, на льдах которого *жизни нет*, но *солнце всходит*, до живой земли – живой благодаря устроителю космоса, богу света Митре. Создаётся на первый взгляд парадоксальная ситуация: именно *на льдах Эльбурса*,

на которых *жизни нет*, восходит солнце – источник всего живого¹. Однако введённый образ Митры уточняет семантику образа солнца: всё оживляет на земле Митра, чьё имя *благословляет вся земля*. Восходящее с высоты Эльбурса солнце – образ из персидской поэзии. Эльбурс, на льдах которого *жизни нет*, – образ художественной системы поэта, определяющий антитезу *мёртвое – живое*. Парный образ *Эльбурс – солнце* говорит о том, что Эльбурс так же высок, как солнце.

На наш взгляд, интересно отметить связь стихотворения «Эльбурс» с некоторыми другими поэтическими текстами И.А. Бунина. В основе этой связи – субъективное восприятие Буниным гор, вершин в географическом их смысле: они вызывают у него ощущение холода, покинутости и даже смерти. Примером может служить эмоциональное содержание стихотворения «Хая-Баш»² (с подзаголовком «Мёртвая голова»), написанное с использованием восточных образов (Б2, с. 141). Стихотворение содержит повествование об одиноком путнике – *слуге Пророка*, обречённом на ночную встречу с зимним леденящим холодом *гранитной горы Хая-Баш*:

Ночь идёт, – молись, слуга Пророка.
Ночь идёт – и Хая-Баш встаёт.
Ветер с гор. Он крепнет – и широко,
Как сааз, туманный бор поёт.

Вопросы, заданные от лица повествователя (*Где ты заночуешь? <...> Видишь ли сквозь сосны? Побелела / Хая-Баш, гранитная гора*), выражают авторское отношение к герою: он глубоко сочувствует ему, о чём говорит констатирующая часть обращения повествователя к герою:

Там нависло небо низко, низко,
Там снега и зимняя тоска...
А уж если своды неба близко –
Значит, смерть близка.

Приведём ещё примеры. Выше было указано, что ассоциативное восприятие горной вершины в стихотворении «Вершина» основывается на образе *льдистого мертвеца*. В произведении «В горной долине» (Б2, с. 152) тоже присутствует образ смерти: *Бледны и грустны вы, горные звёзды: / Вы созерцаете смерть*. Минорные пейзажные зарисовки первой строфы предваряют основную мысль стихотворения, выраженную через традиционную романтическую антитезу *мечты – реальность*. *Горные звёзды* (метафора горных вершин, высоких, манящих, как звёзды) разочаровывают лирического героя, когда тот встретился с ними: *Что же я встретил? Нагие граниты, / Сумерки, страх, тишину...*

Олицетворения в обращении к *горным звёздам*, созерцающим смерть (*Бледны и грустны вы, горные звёзды*), интериоризуют эти определения *горных звёзд*: они выражают эмоциональное состояние лирического героя, заданное

¹ В «Авесте» указано, что Эльбурс является местом восхода и заката солнца. В иранской мифологии на вершине Эльбурса нет ни ночи, ни тьмы, ни холодного, ни тёплого ветра. Солнце, луна и звёзды вращаются вокруг Эльбурса.

² *Хая-Баш (Кая-Баш)* – высоты на побережье Чёрного моря, протянувшиеся от мыса Фиолент до Балаклавской бухты. Название означает в переводе с тюркского «скалистые вершины» [5]. Известно также наименование «Мёртвая утка».

уже в первой строке стихотворения (*Бледно-зелёные грустные звёзды...*), рефреном повторяющееся в первой строке последней строфы. В последних двух строках стихотворения выражена вечная тяга человека, влечение к *бездонной тверди* – горным вершинам (*горным звёздам*). В этом и есть романтический пафос стихотворения, выражающий неистребимость человеческого духа в постижении «небесных» высот.

В стихотворении «Ормузд» (1903–1905), в котором тоже используется иранская мифология, создаётся схожий парный образ *вершина – огонь*, осмысленный в контексте антитезы *Тьма – День* (добро – зло). В примечании к стихотворению читаем, что Ормузд – это «греческая форма имени Ахурамазды, высшего божества огнепоклонников в древности и в раннее Средневековье в Иране и в Средней Азии, Афганистане и других странах Ближнего и Среднего Востока. Согласно их представлениям, Ормузд – источник всего доброго, возникший из чистейшего света. Противоположность Ормузду – злой дух Ариман, с которым Ормузд ведёт борьбу» (Б2, с. 464).

Буквальное значение имени *Ахурамазда* – «Господь премудрый». Это верховное божество иранской мифологии «творит мир усилием или посредством мысли и требует себе чисто духовного поклонения, молитвы перед священным огнём» [6, с. 141]. Таким образом, огонь (свет) был символом Ахурамазды, который находился в постоянной борьбе со злым богом Ариманом – «князем тьмы». Представление об извечной борьбе двух начал (добра и зла) и конечной победе добра – основа огнепоклоннической религии.

В первой строфе стихотворения И. Бунина (Б2, с. 152) – мир, одетый в *покровы мрака и туманов*: в нём *ни алтарей, ни истуканов, ни тёмных капищ*. Заключительная строка, содержащая призыв к людям *Боготворите только Свет*, выражает главную мысль произведения. Ни алтари, ни истуканы, ни тёмные капища не ценны в мире, ценен лишь Свет, при помощи которого только и можно победить Тьму.

Во второй строфе показано представление мифологического сознания о Свете: Ормузд – *владыка Света*, он *весь в едином – в борьбе со Тьмой*. И вновь в заключительных строках – рефренный призыв, обращённый к людям: *Огни зажгите по вершинам: / Возненавидьте только Тьму*.

В третьей строфе опять предстаёт земной мир, которым правит Ночь. Но этому миру ночи противостоит «мудрый» (в мифологическом сознании, как мы помним, именно таким называется Ормузд-Ахурамазда), жаждущий *верить Дню*: *Он в мире радость солнца славит, Он поклоняется Огню*.

В четвёртом (последнем) четверостишии лирический субъект, обращаясь к *неугасимому Пламени*, говорит о приверженности ему «мудрого» Ормузда: *И, возложив костёр на камень, / Всю жизнь свою приносит в дар / Тебе, неугасимый Пламень...* Заметим, что обращение лирического субъекта к Пламени на «ты» убирает какую-либо дистанцию между ними, что свидетельствует не столько о поклонении героя Пламени, сколько о полной гармонии между ними: лирический субъект знает силу *неугасимого Пламени*, живёт, подчиняясь его законам.

Как видим, И.А. Бунин, используя иранские мифологические образы, выстраивает свою художественную концепцию земного мира с его вечной борьбой Дня и Ночи, Света и Тьмы, Добра и Зла, борьбой, вероятно, нескончаемой.

Весьма значимой в истолковании концепта Света и Тьмы представляется следующее изречение: *Ночь третью мира властно правит. Но мудрый жаждет верить Дню*. Вот это *жаждет верить* и выражает авторское отношение к этой главной проблеме человечества. Человеку всегда хочется верить в победу Света над Тьмой. Но осуществится ли эта победа? Возможна ли она? Вот что содержит этот глагольный оборот *жаждет верить*.

Summary

A.M. Sayapova, E. Karimiriabi. Iranian Mythology in the Artistic World of Ivan Bunin.

The article discusses several poems by Ivan Bunin which use Iranian mythology. It is shown that Iranian culture and particularly its mythological images clearly fit into the stratum of eastern images and the whole artistic philosophy of the poet.

Keywords: East, Iranian mythology, Alborz, Ormuzd.

Источники

- Б1 – *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 6. – 717 с.
Б2 – *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. – М: Моск. рабочий, 1993. – Т. 1. – 540 с.

Литература

1. *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина и Беседы с памятью // Fantasy Read. – URL: <http://fanread.ru/book/6787034/?page=1>, свободный.
2. *Деххода А.А.* Словарь персидского языка. – Тегеран: Тегеран. ун-т, 1993. – Т. 2. – 3068 с. (на перс. яз.).
3. *Яхаги М.* Мифологический словарь персидского языка. – Тегеран: Сорущ, 1990. – 470 с. (на перс. яз.).
4. *Топоров В.Н.* Митра, Мифра // Мифы народов мира. – URL: <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s23/a002309.shtml>, свободный.
5. КАЯ-БАШ, высоты // Топонимический словарь Севастополя. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http://sevastopol_toponyms.academic.ru/430/КАЯ-БАШ%2C_высоты, свободный.
6. Мифы народов мира: в 2 т. – М: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.

Поступила в редакцию
16.12.13

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Albina.Sayapova@kpfu.ru

Каримириаби Элахех – аспирант кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: ekarimiriabi@yahoo.com